

Фонды мемориального музея И. П. Павлова: открывая новые страницы

А. И. Громова✉¹

¹Институт физиологии им. И. П. Павлова РАН, 199034, Россия, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 6

Сведения об авторе

Людмила Ивановна Громова,
SPIN-код: 2195-4202,
e-mail: museum@infran.ru

Для цитирования:

Громова, А. И.
(2020) Фонды мемориального
музея И. П. Павлова: открывая
новые страницы. *Интегративная
физиология*, т. 1, № 4, с. 330–350.
DOI: 10.33910/2687-1270-2020-1-
4-330-350

Получена 12 октября 2020;
прошла рецензирование
14 октября 2020; принята
28 октября 2020.

Права: © Автор (2020).

Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В фондах Мемориального музея-квартиры академика И. П. Павлова хранится большое число фотографий, документов, подлинных писем, написанных родными Павлова, его коллегами, друзьями. В статье автор знакомит читателей с наиболее интересными из них. Это письма жены Павлова Серафимы Васильевны, отправленные из Стокгольма в 1904 году, когда она сопровождала мужа во время торжеств по поводу вручения ему Нобелевской премии. Они адресованы детям, оставшимся в Санкт-Петербурге, подробно описывают многие детали пребывания Павловых в столице Швеции, что прекрасно дополняет официальные сведения об этом событии. Впервые опубликован подлинный учетно-воинский билет И. П. Павлова и письмо к Ивану Петровичу начальника Военно-медицинской академии (ВМА) профессора В. Н. Тонкова от 7 июля 1925 года. Павлов был тогда уволен из ВМА по собственному желанию в знак протеста против запрета приема в академию детей священнослужителей. Особое место занимает подборка писем членов семьи Павловых, написанных в годы Великой Отечественной войны. В этих подлинных документах можно найти множество деталей жизни людей в то тяжелое время. Это письма Владимира Ивановича Павлова и членов его семьи из эвакуации, письма Серафимы Васильевны и Веры Ивановны Павловых из Колтушей, где в годы войны продолжал свою деятельность Институт эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова (сейчас — Институт физиологии им. И. П. Павлова РАН), и где им удалось пережить блокаду Ленинграда. Все представленные в статье материалы из фондов музея публикуются впервые.

Ключевые слова: И. П. Павлов, Нобелевская премия И. П. Павлова, история физиологии, история России, история Великой Отечественной войны, исторические документы.

The collection of Ivan Pavlov's Memorial Museum: Opening new pages

L. I. Gromova ¹

¹ Pavlov Institute of Physiology, Russian Academy of Sciences, 6 Makarova Emb., Saint Petersburg 199034, Russia

Author

Liudmila I. Gromova,
SPIN: 2195-4202,
e-mail: museum@infran.ru

For citation:

Gromova, L. I.
(2020) The collection of Ivan Pavlov's Memorial Museum: Opening new pages. *Integrative Physiology*, vol. 1, no. 4, pp. 330–350.
DOI: 10.33910/2687-1270-2020-1-4-330-350

Received 12 October 2020;
reviewed 14 October 2020;
accepted 28 October 2020.

Copyright: © The Author (2020).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under CC BY-NC
License 4.0.

Abstract. The collections of the Memorial Museum Apartment of Academician I. P. Pavlov contain a large number of photographs, documents, and original letters written by Pavlov's colleagues, family and friends. The article features the highlights of the collection. Among them are the letters from Pavlov's wife, Serafima, sent from Stockholm in 1904, where she accompanied her husband at the Nobel Prize ceremonies. The letters, addressed to their children who stayed in Saint Petersburg, provide many details of the Pavlovs' trip to and stay in Stockholm, which makes a perfect addition to the official information about the event. Pavlov's military ID and a letter he received from Professor V. N. Tonkov, Head of the Military Medical Academy (MMA), Saint Petersburg, dated 7 July 1925, are published for the first time. It was then that Pavlov took a voluntary redundancy from the MMA in protest against the ban on the admission of clergy children to the academy. Of special value is the selection of letters from the members of the Pavlov's family written during the Great Patriotic War. Among them are the letters from Vladimir Ivanovich Pavlov and his family from the evacuation, letters from Serafima Vasilyevna and Vera Ivanovna Pavlov from Koltushi, where during the war years the Institute of Evolutionary Physiology and Pathology of Higher Nervous Activity named after I. P. Pavlov (now the Institute of Physiology named after I. P. Pavlova RAS) continued its work, and where they managed to survive the Siege of Leningrad. All the materials presented in the article are published for the first time.

Keywords: I. P. Pavlov, I. P. Pavlov's Nobel Prize, history of physiology, history of Russia, history of the Great Patriotic War, historical documents.

Вместо предисловия

Мемориальный музей-квартира академика И. П. Павлова, который был открыт в 1949 году в его последней квартире Дома академиков в Санкт-Петербурге, известен уникальной подлинностью своей экспозиции. Здесь сохранилось не только убранство интерьеров, бытовые мелочи, украшавшие жизнь семьи Павловых, но и энтомологические коллекции Ивана Петровича, и большое число произведений живописи русских художников-реалистов из его личного собрания. Не меньшую ценность представляют собой и фонды музея, в которых хранится множество фотографий, документов, как самого ученого, так и членов его семьи. Особый интерес вызывают многочисленные подлинные письма, написанные родными Павлова, его коллегами, друзьями.

В этой публикации нам хочется познакомить читателей с некоторыми, наиболее интересными из них, опираясь на высказывание известного писателя В. В. Вересаева. В 1938 году он

в ответном письме к Серафиме Васильевне Павловой по поводу ее воспоминаний, присланных ему для оценки, писал: «Я давно уже склоняюсь к мысли, что воспоминания о действительной жизни куда интереснее вязкой беллетристики... Я очень порадовался, узнав, что Вы пишете воспоминания... эпоха, в которую Вы жили, и люди, с которыми, вероятно, встречались, не говоря уже об Иване Петровиче — интересны исключительно...» (Книга поступлений № 3, № 67/3). Подлинные письма, на наш взгляд, еще ярче, точнее, правдивее, нежели специально написанные мемуары, раскрывают суть происходивших событий, передают неповторимый вкус эпохи. Все приведенные в статье письма публикуются впервые.

Нобелевская премия

Начать, наверное, стоит с Нобелевской премии И. П. Павлова, которую он получил за работы по физиологии пищеварения в 1904 году (рис. 1).

Рис. 1. Нобелевский диплом И. П. Павлова

Fig. 1. Nobel diploma of Ivan P. Pavlov

Об этом важном для российской науки событии написано много статей и даже монографий, так что интересующимся физиологией читателям не составит труда проследить путь Павлова к этому символу мирового научного признания. Пожалуй, трудно что-либо добавить к этим публикациям. Но в фондах музея хранятся несколько подлинных писем жены ученого Серафимы Васильевны, написанных домой из Стокгольма, когда она сопровождала мужа во время торжеств по поводу вручения ему этой высочайшей награды. Они адресованы детям Владимиру, Вере, Виктору и Всеволоду, и в них очень откровенно, эмоционально и подробно описаны многие детали пребывания Павловых в столице Швеции. Эти письма, как нам кажется, дополняют официальные сведения об этом событии личными, «из первых рук» впечатлениями самого близкого Ивану Петровичу человека. Эти рукописные документы потребовали тщательной расшифровки, т. к. Серафима Васильевна обладала таким неразборчивым почерком, что ее письма часто не могли полностью прочитать даже близкие. Нам тоже не удалось понять некоторые слова, они обозначены в тексте вставкой «(неразборчиво)».

Павлов был приглашен приехать в Стокгольм к 10 декабря, о чем ему сообщил в письме ректор Каролинского института Карл Мёрнер. Для своего доклада Иван Петрович из предложенных

ему европейских языков (английский, немецкий, французский) выбрал немецкий. Но выехал он в Швецию с сопровождавшей его женой гораздо раньше, так как их пригласил погостить у себя в Гельсингфорсе (Хельсинки) известный финский физиолог Р. Тигерштедт.

Письма Серафимы Васильевны Павловой из Стокгольма

Первое письмо Серафимы Васильевны, хранящееся в фондах музея, датировано 24 ноября. Оно написано на бланке Гранд-Отеля в Стокгольме (рис. 2).

Вот текст письма (тексты писем здесь и далее приведены в соответствие с современной орфографией русского языка):

«24 ноября 1904 г.

Только сегодня вышло время написать Вам, мои дорогие и любимые детки! До сих пор все идет у нас отлично. До Гельсингфорса мы отлично спали, на таможне нас даже не будили. Утром постраниковали по гостиницам, пока, наконец, в пятой нашли комнату. Теперь открывается сейм, и потому съезд небывалый. Комнату получили хорошую, но высоко. Умывшись и приведя себя в порядок, отправились в университет, где нашли Тигерштедта; у него была лекция, и он попросил нас поехать к нему. Жена его просто одна радость: кругленькая, маленькая (меньше меня и толще), веселая хлопотунья. У них мы провели целый день

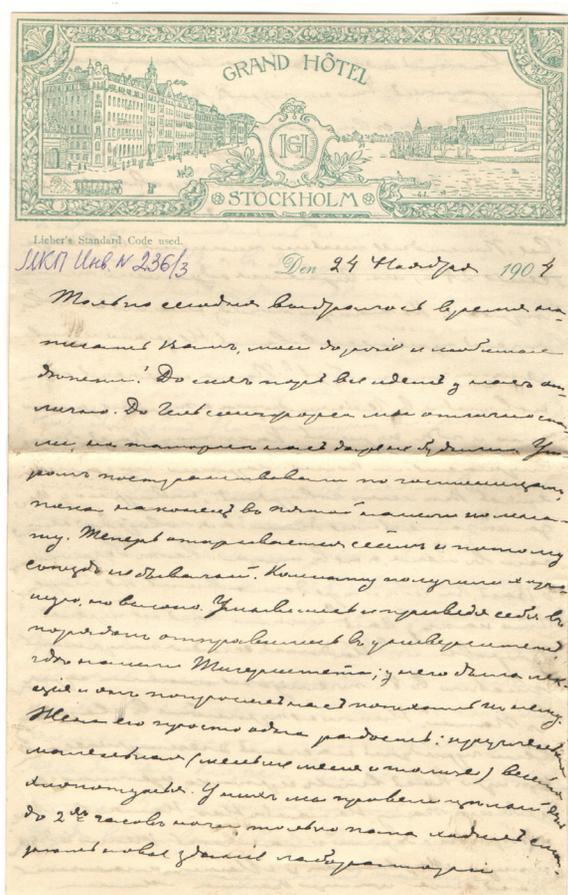

Рис. 2. Письмо С.В. Павловой детям из Стокгольма от 24 ноября 1904 г. (фонд музея, инв. № 236/3)

Fig. 2. Letter from Serafima V. Pavlova to her children from Stockholm dated 24 November 1904 (Museum collection, inv. no. 236/3)

до 2 часов ночи, только папа ходил смотреть новое здание лаборатории. Погода была отчаянная — лил проливной дождь, а я (неразборчиво). Тигерштедты отнесли к нам как к родным: обласкали, упитали и устроили в честь папы вечер. Собрались лучшие профессора с ректором, все считали за честь познакомиться с папой и страшно благодарили его за то, что он им прочел речь, которую будет читать в Каролинском институте. Если бы Вы видели, как все почтенные люди относились к папе! Как они возрадовались, что, наконец, присудили папе премию! Они говорили, что с первого года только этого и добивались. Удивительно, как все любят папу! Это были скромные торжества, а теперь предстоят официальные. На другой день мы осматривали город (к счастью, дождя не было), я купила вам марок больше чем на 5 р.; обедали опять у Тигерштедта, и в 5 часов они нас проводили на вокзал, куда пришел и ректор пожелать папе счастливого пути. В 10 часов мы приехали в Гангс, где чуть не

упустили пароход. Пока мы расспрашивали, что делать с багажом, один человек взял у меня квитанции, чтобы отправить багаж на пароход (я и не знала, кто он), а другие чуть не в шею втолкнули нас в поезд, который и довез нас к этому пароходу. Выехали в 11 вечера, качало 2 раза, когда шли открытым морем, а между островами было тихо. Папа говорил мне: “Вставай в 9 ½ ч.,” но я не могла поднять головы, и мы с ним встали в 11 ½ ч., а в 3 ½ ч. приехали в Стокгольм. Пароход был чудный. На пароходе пассажиры узнали, что папа получает премию, и поздравляли его. Теперь чуть все пальцами не показывают на нас и сообщают “Нобель прайс”. На таможне только сказали за нас “Нобель прайс”, так и не смотрели ничего. Да, теперь (неразборчиво). Отель роскошный. Комната стоит 7 р., а обед для одного 2 р. 50 к. из 5 блюд. Зал чудный, обедают в светлых платьях, и все время играет оркестр. За обедом под конец дали каждому из нас стеклянные полоскательницы маленькие с теплой водой и кусочком лимона, а также маленькую салфеточку. Угадайте для чего? Мы не могли понять. Если полоскать рот, то куда выливать воду? Оказалось, что лимоном натирают пальцы и обмывают их водой, а салфеточкой вытирают. Что ни город, то норов. Завтра идем с вещами к Мёрнер, а там папа дальше по программе, а я смотреть город. Здесь нам покровительствует молодой Тигерштедт. Вот Вам и все. Последнее письмо пишите не позднее 28-го, мы вернемся непременно тем же путем. В такую погоду никто не советует путешествовать. Не знаю, привезем ли что-нибудь? Папа не хочет останавливаться в Гельсингфорсе, а тут не знаю, что и купить. Как то у Вас дела? Слушаете ли Волю¹? Хорошо ли занимаетесь? Все мне говорят: “наверно, у Вас замечательные дети”, а я говорю: “нет, они в меня, а не в отца”. Как беспокоюсь о Вас, Вы себе и представить не можете. Что, как у Вас? Никто Вас не журит? Здоровы ли? Надеюсь сегодня получить письмо в 8 ч., почему и не пошла гулять с папой. Никого не пускайте в квартиру, если придут насчет электричества. Целую Вас всех крепко, крепко за себя и за папу. Наталье Ник., Наталье Мих. и Вере Вас. дорогой кланяюсь. Тетю и дядю целую. Марьяшке и Маше кланяюсь. Вас еще целую. Ваша мама» (Книга поступлений № 3, инв. № 236/3).

Ответ детей родителям был отправлен уже на следующий день, 25 ноября. Все четверо написали его на одном листе почтовой бумаги:

¹ Старший сын Павловых Владимир, ему в это время 20 лет.

«25 ноября 1904 г.

Все у нас благополучно, меня никто не спрашивал, только по немецкому поставили 5. Вчера в среду у нас в гимназии была генеральная репетиция. Я с Виктором ходил, все играли очень хорошо. На представление не пойдём, билетов нет. Сегодня само представление, поэтому завтра уроков нет, мы остаемся дома. Больше писать нечего. Крепко целую Вас, Ваш Всеволод²».

Ниже приписано другой рукой (скорее всего сестры Веры): «Врешь, получил еще сегодня четверть».

«Дорогие папа и мама, писать почти не о чем. Вчера мальчишки были на репетиции в гимназии. Пришли очень поздно, за что Воля сделал им строгий выговор. Я праздную мое рождение 28-го, т. к. в субботу Таня будет и Ксения П. А мальчишки в это воскресенье пойдут к Берггольц. В следующее у Всевы будут гости, а я пойду к Кате Кезевич. 6-го обедаем у Каменских. Сегодня у Воли “une zoiree” (вечеринка. — Прим. автора). Т. Н. вам кланяется. Целую вас, Вера³».

«Дорогие мама и папа!

У нас все благополучно. Вчера меня спрашивали по русскому рассказывать и поставили 5. Сегодня Всеволод получил свою четверть: у него за внимание, прилежание и поведение по пяти, по закону 5, по русскому 4, по естественной истории и по математике по 5, по истории и по географии по 5, по немецкому 5, по французскому 5 и по рисованию 4. Вчера у нас в гимназии была генеральная репетиция. Все играли очень хорошо, Малышев и Сергей Васильев играли хуже, чем мы ожидали: у них слишком пискливый голос. Погода у нас плохая, вчера весь день шел дождь, и было 3 градуса тепла, вечером было даже маленькое наводнение. Сегодня немного подмерзло, и утром был 1 градус тепла. Завтра у нас пять уроков, хотели сделать экскурсию, но почему-то не сделали, так что я собираюсь завтра утром идти в институт, посмотреть, как там идут дела, и в субботу напишу обо всем. Наш учитель истории Александр Иванович Глореман уходит от нас, и у нас будет преподавать другой. Пишите нам подробнее о поездке на пароходе. Вам поклон

² Младший сын Павловых Всеволод, ему 16 ноября исполнилось 11 лет.

³ Дочь Павловых Вера, 26 ноября ей должно было исполниться 14 лет.

от Татьяны Николаевны. Крепко целую Вас. Ваш Витя⁴».

«Дорогие папа и мама!

Мы за Вас очень беспокоимся, так как прочли в газете, что в день Вашего морского путешествия бушевал шторм. Как то Вы доехали? Мы все здоровы и ведем себя хорошо: аккуратно готовим уроки и играем на рояле. Нас почти каждый день кто-нибудь навещает: были тетя Оля, тетя Кия, а завтра собирается Вера Васильевна. Папа может немножко порадоваться: завтра в консерватории идет не “Риголетто” с Фигнер и Каменским, а “Кармен” с неважным составом. На всякий случай напишу перечень марок, каких мне не достает:

Швеция 1856 г. черная, 1855. 3 skill зеленая, синяя, 6 sk серая, 24 sk красная. 1861. серожелтая. 1858 лиловая, 1866 фиолетовая 1876. 1886.

Норвегия. 1854. 4 skilling синяя без зубчик. 1863–66 г. 2 skill желтая 3 skill лиловая. 1867–68 г. 3 skill лиловая 1872–73. Синяя 1878 синяя.

Дания. 1851 г. 2 bigsk.-sk синяя (без зубч.), серо желтая (без зубч.), 1852 зеленая (граф. фон) б.з. 1863 16 sk лиловая, 1870–71 лиловая, рамка коричневая. Целую Вас, Воля» (Книга поступлений № 3, № 241/3).

Следующее письмо от 26 ноября Серафима Васильевна адресовала дочери Вере (рис. 3).

Вот его содержание:

«26-го ноября 1904.

Спешу написать тебе, моя дорогая Верочка, и милому Мурчущке⁵ поздравление. Целую Вас горячо за себя и за папу и горячо желаю Вам обоим здоровья, веселья, успехов в учебе и всякого счастья! Что-то Витя не написал, как обещал? Я так надеялась получить письмо по приезде сюда, а теперь раньше субботы ничего не может быть, так как пароход из России приходит только в суб., воскр. и среду. Не пишите позже воскресенья. До сих пор все идет как по маслу, но ничего важного еще не было. Вот завтра начнется передряга. Вчера мы с папой сделали визит графине Мёрнер, она очень простая и приветливая дама, говорит по-немецки неважно, и я себя чувствовала с ней отлично. Папа с Мёрнером (неразборчиво), а я отправилась смотреть город. Город небольшой, мостовые отличные, чистота редкая, но ничего особенного — очень мало роскошных зданий или красивых памятников. Всю красоту составляет

⁴ Среднему сыну Павловых Виктору в это время 12 лет.

⁵ Имеется в виду младший сын Всеволод.

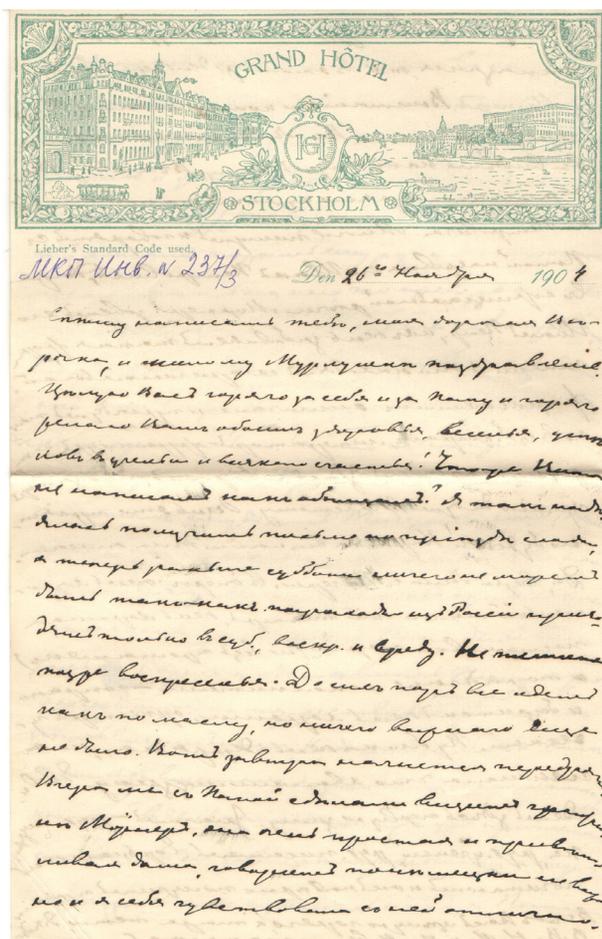

Рис. 3. Письмо С. В. Павловой детям из Стокгольма от 26 ноября 1904 г. (фонд музея, инв. № 237/3)

Fig. 3. Letter from Serafima V. Pavlova to her children from Stockholm dated 26 November 1904 (Museum collection, inv. no. 237/3)

обилие воды и возвышенности. Кругом электричество и телефоны, прислугу надо звать по телефону, но мы с папой не решаемся и обходимся посредством нашего коридорного, говорящего по-немецки. Решительно не знаю, что Вам привезти, т. к. магазины на вид очень неважные, да и вообще город и жители очень скромного вида. Тут в отеле все очень важно и очень дорого — обед по 2 р. с персоны без питья. При каждом номере отдельная умывальная с горячей водой, громадным зеркалом и прочими принадлежностями. На улицах везде дамские уборные, очень чистые и красивые. Пирожные очень дорогие в лучшей кондитерской, покупать не пробовали, но на вид неважные. Папа наш побледнел и похудел, голова болит у него, и раздражен он до крайности. С утра ему нет покоя: то его снимают (каждый дурачок желает иметь его фотографию, и фото-

графы приходят к нам в гостиницу), то просят его автограф, то хотят пожать ему руку, то просто посмотреть на него, то приезжают с приглашениями!!! Можете себе представить, какво Папе без разговора. Ведет он эти отрывочные смешные разговоры преуморительно. Часто мне приходится его выручать. При нас состоит один (неразборчиво) студент Тигерштедта (очень скромный и милый мальчик), а с Папой ездит всюду Мёрнер. Сейчас ожидаю посланника, у которого Папа был вчера (он должен представить Папу королю завтра на торжестве) и который пожелал сегодня нанести визит мне. Надо сегодня мне и Папе ехать с визитом к здешнему математику, который в день нашего приезда уже пригласил нас к себе на завтрак письмом, а вчера приезжал сам просить нас, а Папа отказался, т. к. в этот день мы обедали у Мёрнер. Внимания и комплиментов уж чересчур много! Вы бы были очень счастливы видеть, как чтут Папу. В семье у Тигерштедта прямо культ какой-то “Ивана Петровича”. Многие пишут и говорят с папой, называя его Иваном Петровичем, даже в официальной речи Мёрнер зовет его Иван Петр., нас очень забавляет такая форма имени, и они находят ее оригинальной. Физик и химик — англичане и приедут только в субботу утром, литератор — француз и, кажется, не приедет. Здесь говорят, что за мир премию дадут Толстому.⁶ Очень это приятно будет! Кажется, все наши дела описала. Да, вчера были с Тигерш. в опере, очень хорошенький маленький театр, очень хорошая постановка оперы (не без промашек) и порядочные исполнители — сопрано и баритон очень хороши; оркестр чудесный. Публика очень сдержана, но я слышала, что хвалили музыку. Ев. Он⁷. идет здесь первую зиму. Значит — рус. музыка, рус. ученый, рус. писатель. Горького очень почитают, и он недаром получил премию.⁸ Всех Вас целую горячо, а также тетю, дядю, В. В., Н. М. и Н. Н. Всем кланяюсь. Погода чудная — хорошая осень» (Книга поступлений № 3, инв. № 237/3).

Следующее письмо детям было написано через три дня. Вот его содержание:

⁶ Нобелевская премия мира была присуждена в 1904 году Институту международного права.

⁷ Павловы были в опере на представлении «Евгения Онегина», о чем в своих воспоминаниях Серафима Васильевна отзывалась следующим образом: «Видели мы в Стокгольме оперу “Евгений Онегин”. Постановка была “чисто русская”. Евгений Онегин был одет испанцем, а гости на балу у Лариных выглядели настоящими полотерами. Когда меня просили рассказать содержание пьесы, то всех буквально очаровали слова: “Но я другому отдана и буду век ему верна”».

⁸ В 1904 году Максим Горький получил Грибоедовскую премию за пьесу «На дне».

«29 ноября 1904.

Ну-с, мои милочки! Получила вчера Ваше второе письмо, за которое крепко вас целую за себя и за папу. Начну по порядку. В пятницу, после письма к Вам не было ничего особенного, мы с Папой гуляли вечером, и город нам очень понравился. В субботу утром приехал Эммануил Людвигович Нобель, познакомил меня со своей сестрой, которая замужем здесь за профессором геологии, и мы имели удовольствие говорить по-русски. Вместе с Анной Людвиговной и профессором Йохансоном осматривали Национальный музей и набережную; в музее очень характерная новейшая школа — они большие артисты на лица, свет, очень экспрессивны и отлично отделаны. Вернувшись в 3 ½ часа, потребовали к себе в номер легкую закуску с чаем. Папа разделся и отдохнул. В 7 час. мы торжественно облачились и в карете поехали с проф. Мёрнером (Папин ангел-хранитель) в музыкальную академию. В первом ряду перед эстрадой был ковер, посреди кресло золоченое высокое для короля и по обе стороны по два поменьше для наследника, принцессы и 2-х принцев (вся королевская семья). Около них направо — 5 мест для получивших премию (за литературу получили 2 пополам), а налево члены Нобелевского комитета. Публика очень нарядная, зала красиво убрана и всё чрезвычайно торжественно. Я сидела сбоку, около Папы, рядом с леди Рамзай (она была декольте, хотя старше меня). Сначала пел хор (как только приехал король), потом читал свою речь физик и восхвалял Рэлей, после окончания Рэлей подошел к королю (очень красивый старик огромного роста), который поздравил его по-английски, пожал ему руку и дал медаль и диплом, в котором вложен и чек. Затем опять пение, затем похвальная речь для химика, опять хор, похвальная речь Папе, которую Мёрнер к нашему удивлению закончил очень красивыми русскими фразами, а король, пожимая Папе руку, сказал “как Ваше здоровье?”. Потом опять хор и речи для литераторов, награды получили за них посланники. Затем народный гимн, и все поехали на банкет. Ну, дети мои, тут пошла настоящая переделка! Несколько чудных гостиных наполнились самыми роскошными дамами, принц-наследник, принц Карл с женой и принц Евгений (художник); меня и Папу представили им, и все сказали нам несколько ласковых слов, спросив, на каком языке мы предпочитаем говорить, и извиняясь, что не могут говорить с нами по-русски. Затем наследник предложил руку принцессе, принц Карл мне, принц Евгений

леди Рамзай, Папа мадам Мёрнер, Рамзай мадам Зиденблат и т. д., и все отправились в столовую. Убранство красивое, масса цветов. Сели за стол в том же порядке, налево от меня принц Карл, а направо франц. министр Маршан. Говорили речи за всех получателей, и они все отвечали. Во время речей все вставали (даже наследник) и потом пили на здоровье. Папа сказал хорошо, только начал тихо. Мои оба соседа во время вставаний своими длинными руками опрокинули мои бокалы (принц очень высок и худ), принц начал, я переставила второй бокал на другую сторону — Маршан его даже разбил, и оба они беспокоились за мое платье. После ужина опять под руку все вернулись в гостиные, где принцы пробыли до часу, мы до 2-х, разговаривая на всех языках. Так закончился торжественный день. В воскресенье в 10 ½ мы поехали за город на завтрак к здешнему математику⁹, было нас 50 человек (я была в черном со стекларусом). Здесь опять большой тон: леди Рамзай вел хозяйин, папа хозяйку, а меня здешний министр иностранных дел. Всё были маленькие столики на 4–2 человека. Папа сел с путешественником Сведеном, который жил в Баку и много путешествовал по нашим азиатским владениям, с ним Папа отвел душу, говоря по-русски, а я была в большой переделке, т. к. леди Рамзай плохо говорит по-французски, и отдувалась я. Хозяин опять прославлял своих гостей и благодарил за честь, а гости ему отвечали. Папа сказал всего несколько слов, я же так засыпала хозяйину, что он на другой день прислал мне свою работу для Воли и сказал, что будет счастлив видеть Волю в числе своих учеников! Обстановка чисто артистическая, а библиотека одна из обширнейших и редчайших. В его кабинете бюст Ковалевской и ее картины, она была очень дружна с ними. Вернулись домой в 4. Переоделись и вместе с Э. Л. Нобелем поехали к Мёрнерам. У графини я была в черном с легким лифом. Опять торжественность — обедали профессора и академики, всего 40 человек. Опять застольные речи, и Папа здесь меня поразил — говорил так хорошо и живо, что ему много хлопали, говорил экспромтом. Вот Вам и немец! Папа сидел между графиней и леди Рамзай, а я между графом и Э. Л. Нобелем. Только за кофе вышли дети — 6 человек и один лучше другого. Мальчишки очень решительно вступили с нами в перепалку для обмена марками. Так прошел

⁹ Имеется в виду М. Г. Миттаг-Леффлер (Mittag-Leffler) — видный шведский математик, член Шведской королевской академии наук.

второй чудный день. Теперь на исходе третий. В 12 Папа читал лекцию в Академии, народу было немного, т. к. мало кто понимает немецкую речь; читал Папа хорошо — громко, ясно, живо. После Папа поехал получать деньги, а я осматривать новую народную школу. Чудное по своему удобству и простоте здание; затем я пила чай, и меня угощали конфетами от Røerin у директора Нобеля. Теперь 5 часов. Папа одевается, чтобы поехать к королю на обед, а я поеду пить чай к профессору Сантессону, чтобы не оставаться одной в гост. Должна кончать, т. к. надо одеваться, чтобы быть готовой, когда профессор придет за мной. Крепко целую Вас всех моих милочек. Папа чуть не рвет перо у меня. Волнуется очень-очень. Выезжаем в субботу 4-го в 11 ч. вечера» (Книга поступлений № 3, инв. № 239/3).

Последнее из писем, написанных Серафимой Васильевной детям из Стокгольма, датировано 2 декабря:

«2-го Декабря Четверг.

Вчера утром получила Ваше письмо, мои ненаглядные, так боялась за моего Мурчущку, что даже всплакнула, проводив Папу в Академию, имея час времени для моего туалета. Это последнее мое письмо — в субботу 4-го в 11 ч. вечера выезжаем, наконец, домой, и в понедельник (6-го) утром будем дома; если выйдет перемена, то буду телеграфировать. Последнее Ваше письмо меня сильно обрадовало и успокоило. Лишь бы Вы были здоровы! Сегодня последнее торжество — обед у барона Шталя фон Гольдштейн, замечательного нашего посла, и тогда маленькая передышка, и прощальные визиты. На подарки не надейтесь — деньги плывут, а главное нет времени. С утра и до вечера спешу и меньше 2-х раз не переодеваюсь, т. к. здесь очень строго на туалеты. Если есть ½ часа передышки, то должна подумать, куда в чем ехать, кому послать карточку, куда ехать самой, кому что сказать интересное, дописать уже письма и т. д. и т. д. Вчера перед 20-ю дамами держала целую речь и немного смутилась! Каково! Знаете, дети, мы так устали, так тяжело для нас — “не путешествовать, а триумфально шествовать”. Ведь здесь каждый за честь считает видеть нас у себя. На улице и то ведь: “по улице водили нас, как будто напоказ”. Да, тяжела ты, шапка Мономаха! Не только мы, но даже привычные англичане уже спились, и вчера, на вечере у профессора сэра Петерсона один из них, старичок Роллей, подремывал и говорил: “совсем сиятельный, пора домой”. Папа преуспевает: выходит

первый из экипажа и подает мне руку, дамам отваливает комплименты! Целую горячо всех Вас, моих голубчиков, Веру Вас., тетю Олю, дядю Сережу, Кию, Н. М., Н. Н. и пр. Деньги брать не принято — все (неразборчиво) перевели в Петербург. Ну, вот и все. Здесь зима, 5–6 мороза. Папа и я только и мечтаем об отдыхе. Ваши папа и мама. Всем кланяюсь — Марьюшке, Маше, Ивану» (Книга поступлений № 3, инв. № 238/3).

Уход И. П. Павлова из Военно-медицинской академии

Другим интересным документом, хранящимся в музейных фондах, является подлинный учетно-воинский билет И. П. Павлова (Книга поступлений № 3, инв. № 301/3) — небольшая книжечка размером 15,5 x 11,5 см, состоящая из 16 страниц и обложки из тонкой пожелтевшей бумаги (рис. 4 - 6).

Рис. 4. Учетно-воинский билет И. П. Павлова (фонд музея, инв. № 301/3)

Fig. 4. Ivan P. Pavlov's Military ID (Museum collection, inv. no. 301/3)

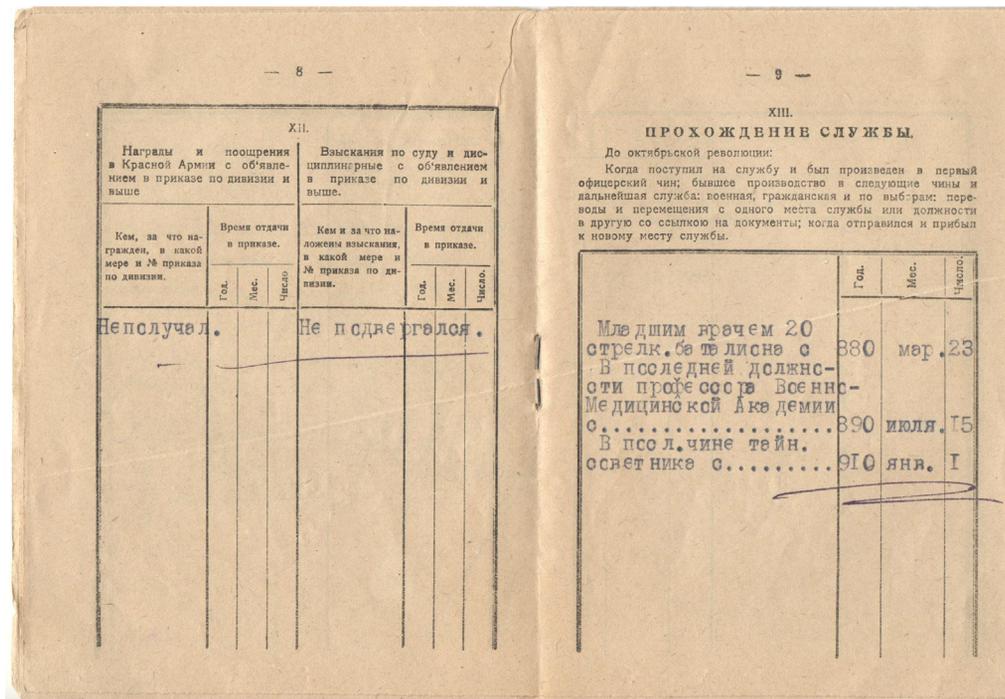

Рис. 5. Восьмая и девятая страницы учетно-воинского билета И. П. Павлова (фонд музея, инв. № 301/3)

Fig. 5. Pages 8 and 9 of Ivan P. Pavlov's Military ID (Museum collection, inv. no. 301/3)

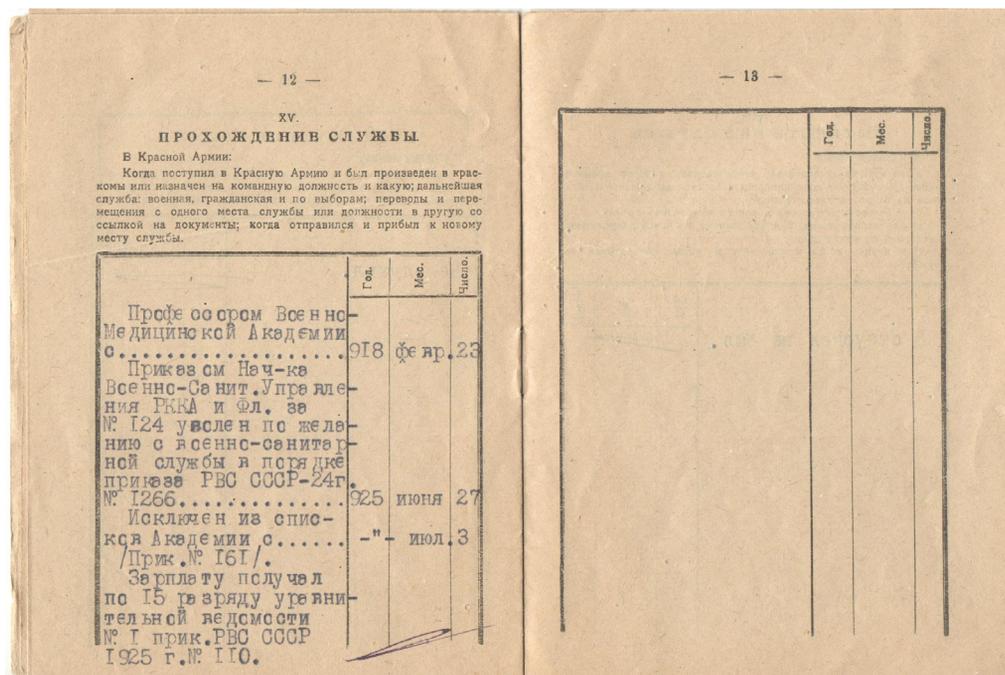

Рис. 6. Двенадцатая страница учетно-воинского билета И. П. Павлова (фонд музея, инв. № 301/3)

Fig. 6. Page 12 of Ivan P. Pavlov's Military ID (Museum collection, inv. no. 301/3)

В нее занесены довольно формальные сведения о военной службе Ивана Петровича: указано его образование (в разделе «Общее образование» написано «Окончил гимназию», почему-то нет сведений об окончании Санкт-Петербургского университета). В разделе «Военное высшее» указана Военно-медицинская академия (ВМА), которую Павлов окончил в 1879 г. Далее идут сведения о жене и детях, а на шестой странице стоит отметка о снятии его с воинского учета военных врачей по возрасту на основании приказа РВСР № 1638 от 1922 г.

Девятая страница повествует о прохождении Павловым службы в период до Октябрьской революции (рис. 5), а двенадцатая — о прохождении службы в Красной Армии (рис. 6).

На последней шестнадцатой странице указано, что Павлов не принимал участия в военных «походах и делах против неприятеля». Номер воинского билета Павлова — 16778. Последняя запись датируется 5 августа 1925 года.

Иван Петрович, блестяще окончивший Военно-медицинскую (тогда еще Медико-хирургическую) академию в 1879 году, был оставлен при ней как один из лучших выпускников, работал в экспериментальной лаборатории у профессора С. П. Боткина, был направлен академией на стажировку в Германию к известным европейским физиологам К. Людвигу и Р. Гейденгайну, получил, наконец, в 1890 году кафедру фармакологии, а затем (в 1895 году) и кафедру физиологии, о которой так мечтал. Поистине, Военно-медицинская академия была его *alma mater*, но в 1924–1925 учебном году он решает проститься со службой в академии в знак протеста принятому тогда постановлению о запрете приема на обучение детей т. н. «лишенцев», среди которых числились и дети священнослужителей. Будучи сам сыном священника, он счел для себя невозможным продолжать свою научную и педагогическую деятельность в академии. Поданное им заявление об уходе долго не подписывали, но от этого решимость Павлова не уменьшалась, и, наконец, военные власти решили уступить его желанию. К присланному Павлову учетно-воинскому билету прилагается сопроводительное письмо, датированное 14 августа 1925 года, а также уведомление от налогового управления об освобождении его от уплаты «налога по совокупности доходов за I полугодие 1924/1925 г.». Кроме того, в конверт вложено письмо начальника ВМА профессора В. Н. Тонкова, написанное на личном бланке № 15139 от 7 июля 1925 г. (рис. 7).

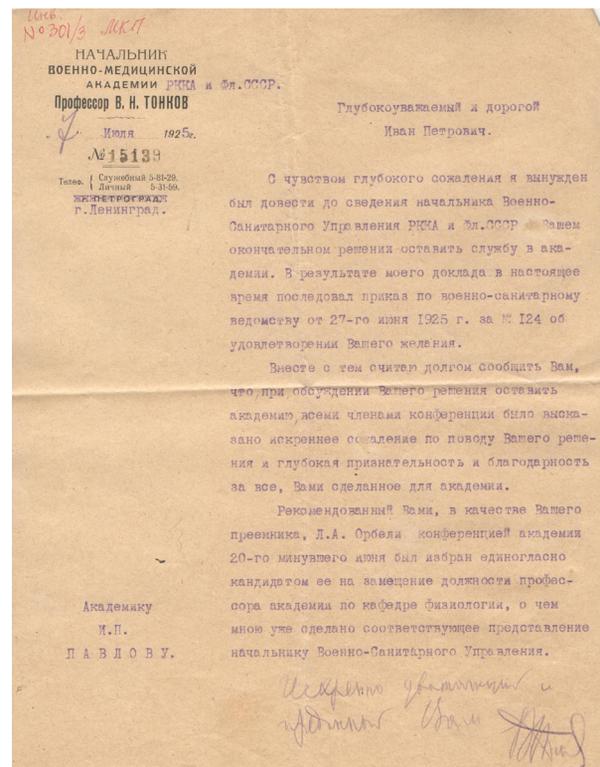

Рис. 7. Письмо И. П. Павлову от начальника Военно-медицинской академии профессора В. Н. Тонкова № 15139 от 7 июля 1925 г. (фонд музея, инв. № 301/3)

Fig. 7. A letter Ivan P. Pavlov received from Professor V. N. Tonkov, Head of the Military Medical Academy, Saint Petersburg, No. 15139, dated 07 July 1925 (Museum collection, inv. no. 301/3)

Он пишет:

«Глубокоуважаемый и дорогой Иван Петрович!

С чувством глубокого сожаления я вынужден был довести до сведения начальника Военно-Санитарного Управления РККА и Фл. СССР о Вашем окончательном решении оставить службу в академии. В результате моего доклада в настоящее время последовал приказ по военно-санитарному ведомству от 27-го июня 1925 г. за № 124 об удовлетворении Вашего желания.

Вместе с тем считаю долгом сообщить Вам, что при обсуждении Вашего решения оставить академию, всеми членами конференции было высказано искреннее сожаление по поводу Вашего решения и глубокая признательность и благодарность за все, Вами сделанное для академии.

Рекомендованный Вами, в качестве Вашего преемника, Л. А. Орбели конференцией академии 20-го минувшего июня был избран единогласно кандидатом ее на замещение должности профессора академии по кафедре физиологии,

о чем мною уже сделано соответствующее представление начальнику Военно-Санитарного Управления.

Искренне уважающий и преданный Вам

В. Тонков» (Книга поступлений № 3, инв. № 301/3).

Письма военного времени

Есть в фондах музея целая подборка неизвестных писем, относящихся к Великой Отечественной войне. Это письма, написанные Владимиром Ивановичем Павловым и членами его семьи из эвакуации. Они адресованы Серафиме Васильевне Павловой и датируются 1941–1942 гг. И снова со страниц этих частных писем живо встают события того времени. Как известно, институты Академии наук и многие другие научные учреждения Ленинграда вместе с оборудованием и сотрудниками были эвакуированы в Казань и ее окрестности. В. И. Павлов был известным физиком, с 1921 г. — профессором кафедры физики Химико-технологического института в Ленинграде. Занимался исследованиями в области молекулярной физики и электроники. Изучал проблемы возбуждения атомов электронными ударами, механизмы этого возбуждения, определял значения критических потенциалов. Позже занимался исследованием явлений, связанных с бомбардировкой положительными ионами металлических поверхностей и изучением электролиза через последовательно расположенные две среды, одной из которых является газ. Написал учебники для вузов «Оптика» и «Курс электричества и магнетизма». Вторым браком он был женат на Татьяне Николаевне Орешниковой, с которой прожил до конца своих дней. У них родилось трое детей: Людмила (1928 г. р.), Мария (1930 г. р.) и Иван, который появился на свет накануне войны (1940 г.) и к ее началу был еще совсем маленьким. В. И. Павлов был эвакуирован в Казань вместе с институтом, Татьяна Николаевна ехала в эвакуацию одна с детьми. Ниже приводятся первые из ее сохранившихся в фондах музея писем 1941 года, адресованных свекрови С. В. Павловой и посланных из поселка Борок Ярославской области:

«20 воскр. Дорогие мои Серафима Васильевна и Наташа!¹⁰

Вчера получила Вашу открытку, из нее вижу, что Вы мое письмо не получили, где я подробно описывала наши муки, именно хождение

по мукам. Вторично повторять все, что было написано, нет ни сил, ни желания. Скажу только одно, что никогда в жизни не прощу я себе той глупости, которую сделала, а именно, уехала с детьми из города, уехала второпях, взяв с собой почти что ничего. Не знаю ничего о Воле, где он и приедет ли к нам. Писала ему и молнии, и открытки, и письма; вчера приехала одна знакомая к нам и сказала, что Воля получил только одну молнию и Милочкино письмо. Наверное, почта плохо налажена, и письма не доходят. Мы здесь живем совсем оторванные от мира в деревенской глуши в 28 верстах от станции; радио нет, газет, так что приход почтальона — событие. Устроились мы отдельно от других — мне предоставили либо комнату в большом доме, где размещены все ребята 85 ч. Либо отдельно — баня и около крошечная кухня. Я остановилась на последнем.

Обстановка у нас такая — Ванюша спит в деревянной кровати, которую дали добрые люди. Милуша спит прямо на полу на куче сена, покрытом одеялом, мы с Маней на деревянной скамейке — утром безумно болит спина и ноет все тело. Ребята похудели, но вид бодрый, первые дни мы с Милушей много плакали, теперь попривыкли и обжились, к нам сейчас переехала Людмила Сергеевна с Олечкой и Павликом, и нам стало куда уютней и веселей, обедаем и вообще кушаем мы дома, т. е. берем готовую еду и едим в своей баньке, а не в общей столовой, где ужасная грязь. Правда, и мы суп едим из двух глиняных тарелок, но все же это не так противно. Еда у нас очень и очень однообразная, утром чай без сахара с куском хлеба без масла (масло очень редко), в 2 часа обед, суп брандахлыст и каша. Вечером каша со стаканом молока. Я у крестьян купила картофель, мед, яйца и каждый день беру 2 л. чудного молока. Ванюша приспособился и меньше всех ощущает лишения, ест за двоих, бегаёт весь день на улице, падает, играет с палками и мажется в грязи. Жаль мне моего крошечку до слез, пришлось сбрить ему волосы. Я ему по утрам варю толокно, выглядит он неплохо, очень вырос, начинает говорить новые слова, дай, на, нет. Ведь у него бедного нет ни одной игрушечки, и конфетки кончаются. Господи хоть бы скорей домой, а главное известия от Воли. Как тяжело и тоскливо на душе. Как то Вы все живете? Пишите, родные, обо всех, а главное о себе. Крепко всех Вас обнимаю и целую,

Ваша Таня» (Книга поступлений № 3, инв. № 137/3-1).

Два следующих коротких письма написаны на простых почтовых карточках:

¹⁰ У Павловых в Ленинграде в это время жила племянница Серафимы Васильевны — Наталия Николаевна Сикорская (в замужестве Эльш).

«Дорогие мои Серафима Васильевна и Наташа. Вчера получили Вашу открытку. Вы ничего не пишете, сколько получили от нас писем. Я написала Вам 2 письма и 2 открытки. Воля все еще не приехал, но я от него имею известия уже из Казани, ждем его со дня на день. Не знаю, что мы решим, как быть дальше, мне лично, да и всем нашим страшно хочется вернуться домой. Неужели это неосуществимо. Ребята здоровы, правда все переболели ангиной, у Ванюши даже температура была 40. У Милочки было 2 легких приступа аппендицита. Питаемся мы теперь очень хорошо, единственно бытовые условия ужасны, нет света, стульев, столов, кроватей, спим на сене, едим из одной плошки, но все это ерунда, живем дружно и надеемся скоро увидеть всех Вас родных.

Крепко целуем, Ваша Таня» (Книга поступлений № 3, инв. № 137/3-4).

«17-ое.

Дорогие мои! На днях получила письмо от Воли, он устроился в Казани и во вторник приедет за нами. Как мы там устроимся, не знаю, только бы скорее быть вместе и делить радости и горе пополам. Воля пишет, что бабушка обижена, отчего мы ей не пишем? Я регулярно каждые пять дней отправляю открытку, письма идут дольше, а часто и вообще не доходят. От Вас имею только 2 открытки. Я уже послала 11. Мы пока все здоровы. Ребята переболели ангиной, а у Милуши нет да нет, а повторяются приступы аппендицита, это конечно из-за грубой пищи и черного хлеба, скорей бы в город. Я очень боюсь за ребят, да и сама я измучилась и физически, и морально. Пишу Марусе¹¹, чтобы забрала все зимние вещи и мои платья, я взяла только 2, и ехала бы к нам в Казань.

Будьте здоровы. Крепко целуем, Таня» (Книга поступлений № 3, инв. № 137/3-7).

Одно из писем, по-детски оптимистичное, написано С. В. Павловой старшей внучкой тринадцатилетней Милой:

«Дорогая Бабуленька!

Почему ты нам не пишешь? Как твоё здоровье? Мы о тебе очень беспокоимся. Ждем папу, он уже не далеко. О нас не беспокойся. Мы живем по-старому. Ванюра потолстел. Вероятно, скоро увидимся, мы рассчитываем приехать к школе. Пришли, пожалуйста, бумаги — у нас вся кончилась. Мы часто ходим гулять на Волгу. Я записалась в ботанический кружок и занима-

юсь. Но все-таки скучно — нет книг, если можешь, пришли. Сейчас идем обедать. Целую много раз и мечтаю увидеться. Мила» (Книга поступлений № 3, инв. № 137/3-2).

Следующее письмо от 15.08.1941 г. прислано В. И. Павловым из Казани:

«г. Казань, Пароходная пристань, 15-ое Августа, Пятница, 12 ч. дня.

Дорогая мамочка!

Получил от тебя открытку от 31-го как раз в день твоих именин. Она запоздала, т. к. адрес был написан не очень разборчиво, и я сам указал на нее барышне, разбиравшей почту. «До востребования» нужно писать особенно четко! Пишите теперь мне прямо на Институт (адрес на конверте)¹².

Очень рад, что у Вас все благополучно, и что ты, наконец, получила известия от девочек. Вместе с твоим письмом и я получил первое письмо от Тани (даже сразу два!). На пристани я нахожусь потому, что получил от Института командировку съездить за семьей и привезти ее сюда. Здесь условия, во всяком случае, лучше, чем по их письмам у них в Борке. Девочек я уже определил в самую лучшую школу № 19 гор. Казани, которая, кстати, не очень далеко от моего Института. Как только приедут — начнут заниматься, хотя и с некоторым опозданием (начало занятий 20-ое авг., а вернусь я с ними не раньше 25-го). Иностранный язык будет немецкий. В этом отношении все как будто устраивается хорошо. Несколько хуже с квартирой, хотя, конечно, достаточно удачно. В Институте комната достаточная, с кроватями, отоплением, водопроводом, ну конечно без плиты и без ванны. Баня здесь очень хорошая и недалеко от Института. Рынок тоже имеет удобное трамвайное сообщение. Наш Институт расположен в лучшей части города на горе — сухо, много зелени и близко от знаменитой реки Казанки, по которой, впрочем, «сизый селезень» теперь не плавает, и добрые молодцы вдоль ее не ходят. Вчера встретил здесь Марусю Орбели, которая приехала сюда с Рад. Инст.¹³, и Тоню Сперанскую, которая живет здесь с сыном, матерью и Настенькой. Какнибудь зайду их навестить. Знакомых у меня здесь никого нет, только со своими Институтскими сошлись ближе, а с некоторыми и разошлись больше! Трех дамам, для испытания их сочувствия нашей семье, я оставил три жестяных банки из-под халвы для наполнения их к моему приезду белой мукой,

¹¹ Маруся — сестра Татьяны Николаевны, Мария Николаевна Щепанская (ур. Орешникова), оставалась в Комарово под Ленинградом, в доме, купленном И. П. Павловым еще в 1930 году. Во время эвакуации она вместе со своими двумя детьми погибнет при бомбардировке.

¹² «От проф. В. И. Павлова, г. Казань, ул. Карла Маркса д. 68, Каз. Хим.-Техн. Институт, кафедра физики».

¹³ Мария Леоновна Орбели — дочь Л. А. Орбели, физик-ядерщик, научный сотрудник Радиевого института АН СССР.

медом и топленым маслом. Посмотрим, которая из трех перейдет от слов к делу и заполнит соответствующую банку! Здесь ожидается улучшение снабжения, т. к. Наркомпищепром переехал сюда — во всяком случае, управленческий аппарат. Мы надеемся, что за “Главкондитером” появятся сладости, а за “Главконсервом” и консервы. Вообще говоря, здесь все можно достать, но главным образом не в магазинах, а на рынках, включая знаменитую толкучку, которая здесь именуется “Сорочкой”.

Как видишь, дела наши здесь не плохи, лишь бы мне благополучно доставить сюда мой ценный материал (даже драгоценный) из Рыбинска.¹⁴ Впрочем, оснований для беспокойства нет, т. к. поездка на пароходе (посадка и выгрузка) не представляет особых трудностей, особенно при наличии разного рода удостоверений, которыми я запасся.

Ну вот, кажется, сообщил тебе все самое важное. Пока что — все очень хорошо! Будь здорова, моя милая бабушка, и спокойна за судьбу своих любимых внучат. Желаю и Вам всякого благополучия. Крепко целую тебя, Веру, Наташу — Жене, Маше и Догелям шлю поклон.

Крепко тебя любящий сын Воля» (Книга поступлений № 3, инв. № 137/3-5).

Следующее письмо (почтовая открытка) написано 23.08.1941 г. из Рыбинска уже после воссоединения семьи:

«23 суббота.

Дорогая наша бабуленька! Благополучно добрались до Рыбинска, через пару часов едем дальше, к сожалению, только до Горького, там опять пересадка уже до конца. Все мы бесконечно счастливы, что, наконец, вместе, и нашему путешествию виден конец. Все мы здоровы и бодры, только очень устали. Ванечка в восторге от пароходов и окружающей обстановки. Сейчас были с ним в буфете, где он поел манной каши и свежих щей. Мысленно мы все время со всеми Вами, какие у Вас планы? Надеемся, что все здоровы и благополучны. Пишите чаще. Крепко Вас всех целуем.

Воля, Таня, Мила, Маня и Ваня» (Книга поступлений № 3, инв. № 137/3-6).

В следующем письме уже из Казани Владимир и его жена Татьяна более подробно описывают детали своего путешествия:

«Суббота 30-ое Августа 1941 г. г. Казань.

Дорогие мамочка, Вера и Наташа!

Я редкостно удачно съездил за детишками в Борки и вывез их из этого “банного жилища”.

Из Борка до станции мы ехали на грузовике. На станции до 4-ех ч. ночи спали в домике стрелочника. Он нас и посадил на поезд в Рыбинск. В Рыбинске, откуда Таня послала тебе открытку, мы сели на пароход (1ый класс!) до Горького, где опять же в тот же день погрузились на пароход (1ый класс!) до Казани. В Казань прибыли в 9 ч. вечера 27-го и сразу со всем багажом прибыли в Институт. По сравнению с баней моя комната показалась во всех отношениях “дворцом”. Доставил я всех в добром здоровье, а сам на следующий день обнаружил сильнейшее расстройство желудка, от которого меня избавил прием бактериофага. Сегодня я первый день встал с постели. Таня пока несет всю тяжесть забот о питании. Есть все, но томительны очереди. Девочки уже полны школьных интересов — мед. осмотр, учебники, тетради и т. д. Ваня много гуляет и буйнит дома. Очень рад, что у Вас все сравнительно благополучно. Желаю поправки Вере и Жене. Крепко целую. Любящий Вас Воля».

«30/VIII Дорогая моя Серафима Васильевна!

Вот мы и добрались до Казани. Путешествие наше длилось около пяти дней. В Рыбинске пришлось ждать пароход с 7 утра до 6 вечера, но зато получили каюту двойную Люкс. На пароходе же и обедали. Кормили вполне прилично, Ванюша чувствовал себя превосходно, с ним путешествовать одно удовольствие. Во время пути была настолько сильная буря, что смыло матроса с палубы, и он утонул. В Горьком пришлось пересест, но тут мы ждали 2 часа, и тоже получили 2 каюты первого класса, везде помогла Волина протекция. Пароходы набиты до отказа, спят на палубе, в коридорах в салонах. Масса детишек — все эвакуированные. В Казань приехали в 9 ½ вечера, Воля взял двух носильщиков, и они нас проводили до самого дома. Комнатка у нас небольшая, но в ней же раковина и большое количество штепселей. В Институте можно получать обеды, хлеб, чай, иногда сахар и конфеты. Рынок близко, на нем все есть, но очень дорого. Молоко 4 р., помидоры 10, карт. 4 и т. д., мясо 30 р. В столовой мы берем каждый день гречневую кашу и мясное блюдо, зелень покупаем на базаре и супы варим сами. Детишки очень заняты, все бегают по очередям и в школу. Она начинается 1-го. Обе приняты и уже завели себе подруг из приехавших и живущих здесь девочек. Я с Ванюшей хожу на базар, готовлю обед, стираю и убираю. Ложимся рано,

¹⁴ Владимир имеет в виду свою семью, которая в то время должна была быть уже в Рыбинске.

но и встаем рано. Чувствую себя бодро, но очень устаю. Ванюшка на следующий день приезда прихворнул и сейчас все еще лежит. Сильное расстройство, даже с повышением температуры, пришлось ему вызвать врача, сказал — легкое отравление. Сидит на строгой диете. Не будет ли у Вас случая послать нам наши вещи, я уже писала об этом Марусе, с просьбой самой приехать, но Воля думает, что ее не отпустят. И потом ехать одной с вещами немислимо. Надо постараться отправить их с каким-нибудь учреждением, а нас предупредить телеграммой, чтобы мы могли встретить. Сейчас мы блаженствуем — сидим на стульях и спим на мягких кроватях, правда по 2 человека (у Ванюши своя), но полтора месяца мы лежали на полу и сидели на крыльчке. Как Вы все поживаете? Где все знакомые? Кланяйтесь от нас, пожалуйста, всем, всем. Вас крепко, крепко целуем и надеемся скоро увидеться. Ваша Таня» (Книга поступлений № 3, инв. № 137/3-8).

К сожалению, переписки членов павловской семьи друг с другом за 1942 год нет в фондах музея. Но сохранилось письмо Владимира Павлова из Казани сестре Вере Ивановне. Оно было отправлено 29 октября 1943 года в Колтуши, куда к тому времени перебрались из блокадного Ленинграда Вера и Серафима Васильевна Павловы. Здесь в годы войны продолжал свою деятельность Институт эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова (сейчас — Институт физиологии им. И. П. Павлова РАН). Многие сотрудники его были призваны на фронт, многие — эвакуированы в Казань, где под руководством Л. А. Орбели велась работа по организации научно-практической помощи армии и флоту. Небольшой состав научных сотрудников, оставшихся в Колтушах, также вел работу в этом направлении: здесь был организован военный госпиталь на 300 коек, где применялись перспективные методы лечения боевых травм, организованы курсы медицинских сестер, было налажено производство витаминного напитка из хвои, которым снабжалось не только местное население, но и воинские части. Благодаря смонтированной своими силами электрической станции имелись освещение и телефонная связь, работали лаборатории, баня, прачечные. В Колтушах размещались два штаба крупных соединений армии, в мастерских института ремонтировали военную технику и вооружение.

Очень выручало жителей подсобное хозяйство, площади которого выросли в два раза по сравнению с довоенными. Они обеспечивали сельхозпродуктами не только местное население, но и сотрудников института, оставшихся в Ленинграде. Так что Вера Ивановна, которая была сотрудником института, и Серафима Васильевна Павловы смогли пережить здесь тяжелые годы блокады.

Письмо Владимира Павлова к сестре в Колтуши приводится ниже:

«29 октября 1943 г. Ул. Карла Маркса д. 68, к. 38.

Дорогая Вера!

Очень был обрадован третьего дня, увидев знакомый почерк на конверте и штамп Колтушей. Большое тебе спасибо за подробное и вразумительное изложение интересующих нас дел и Вашего житья-бытья. Твои огородные достижения заслужили одобрение даже у избалованных казанцев, у которых обычный урожай картофеля сам-десять! Про нашу семью и говорить нечего — мы в этом году не принимали участия в огородной компании, т. к. к моменту раздела земли и ее обработки все были больны. За это нам теперь придется поплатиться закупкой нескольких пудов по рыночной цене (15 р. килограмм). Кроме того, по академическому пайку мы получаем 15 кг. ежемесячно. Очень приятно было узнать, что у Вас предвидится настоящее отопление и электрический свет. У нас первое должно начаться на днях, а второе и для бытовых целей (плитки), и для освещения было все время, а со вчерашнего дня дано на улицах (главных), что особенно радует меня, как пострадавшего от падения в темноте. Наверное, Мила описала тебе эту историю с комичной стороны, но на меня это подействовало удручающе. Годы берут свое (мне ведь пошел 60-й год!), и я здорово постарел, хотя духом и бодр. Радостно было от тебя получить хорошие, успокоительные данные о мамином здоровье. Ведь мы все только и мечтаем о свидании с ней и о том, какое развлечение доставит ей компания Ванюши. Он будет ее внимательным слушателем и занимательным собеседником. Нас всех он теперь изводит бесконечными вопросами и непрерывными, и весьма громкими разговорами во время прогулок (деловых конечно — его приходится всюду таскать с собой!) на улицах. Он у нас дитя механизированного века, только

и знает, что машина, прицепки, кузова, детали и т. д. Вчера он мне рассказывал, что в Ленинграде у него есть “Эка”, он будет шофером и сидеть у руля, я буду помощником шофера и сидеть рядом с ним, а всех остальных посадим назад. Л. Абг.¹⁵ он называет “Орбелев” и всюду ищет его “голубой ЗИС”, на котором Л. Абг. его несколько раз катал по городу. Физически Ваня очень окреп, вырос и вместе с Манечкой (отличницей и в новой школе!) они делают честь казанскому режиму. Таня по-прежнему скелетно худа, несмотря на впрыскивания мышьяка, а Мила уже целый месяц температурит, и еще не ходила в 8-й класс. На днях устроили консультацию хирургов, и я думаю согласиться на операцию. У меня очень интересная тема работы, которая обещает развиваться в новую и своеобразную химию жидкостей. На днях мои опыты в течение 2-ух часов смотрели акад. Порай-Кошиц и чл.-корр. Ак. наук Гринберг. После этого они пошли вместе со мной к директору Института и испросили для меня специального химика-аналитика и уменьшения учебной нагрузки, мотивируя это большим научным значением моей работы!

Надеюсь, что ты скоро сможешь разгрузиться в школе и снова вернуться к любимой работе с собаками. Вероятно Л. Абг., который был у Вас, поможет тебе в этом деле. Крепко Вас с мамочкой целую и благодарю тебя за все заботы, которые весьма и весьма трудны в настоящих обстоятельствах. Будьте здоровы и готовьтесь полюбить маленького Ивана Павлова. Ваш Воля» (Книга поступлений № 3, инв. № 68/3-1).

В тот же конверт вложено и письмо старшей дочери Владимира — пятнадцатилетней Милы: «Дорогая тетя Вера!

Мы получили твоё письмо, и все несказанно обрадовались ему. Большое спасибо за все, что ты для нас сделала. Очень обрадовало меня то, что и ты и бабуля здоровы. Я не могу, к сожалению, похвастаться этим драгоценным качеством. У меня все время повышенная температура, причем ничего не болит. Просвечивание показало, что в легких все благополучно. Врачи до сих пор не могут найти причины этой загадочной температуры. В школу я пока не хожу. Занимаюсь дома. В этом году это труднее, так как у меня не все учебники. Маня регулярно

ходит в школу. Она очень устает, уходит в 1 ч. и приходит в 7 ч. Возвращаться приходится в полной темноте (у нас затемнение), школа далеко. Она отличница, мы живем в одной комнате, но когда она делает уроки — не знаю. Мама очень много работает, но так как мы сейчас очень хорошо питаемся, она чувствует себя хорошо. Папочка наш очень постарел. Вечером мы одного его никуда не пускаем. Однажды он упал в душе на спину, очень ушибся и еле-еле пришел домой. Недавно он упал на улице и в кровь разбил себе лицо. Теперь это все прошло, но вечером он не выходит. Он ведет сейчас очень интересную исследовательскую работу и углубился в нее с головой, даже к обеду опаздывает (чего с ним раньше не случалось). Ванек очень растет. Его головка и плечи массивно возвышаются над столом. Воспитывать его очень трудно, но все же он нас слушается. Он очень любит музыку (как я) и заставляет всех нас петь. Однажды он пришел к папе в лабораторию, когда там демонстрировались опыты, и попросил: “Любименький папочка, спой мне про птичку”. Меня научили пряхть. Я пряду самую настоящую шерсть, правда, самым допотопным образом. Вяжу я тоже хорошо, только вязок мало знаю (восьмерки и веночки надоели). Читать здесь нечего, библиотека очень бедная. Иностранными языками заниматься не с кем. Целую тебя и бабулю крепко. Когда приедем (весной) наговоримся. Ванек целует “тетю Веху и бабулю”. Твоя Мила» (Книга поступлений № 3, инв. № 68/3-2).

К сожалению, музей не располагал какими-либо подлинными свидетельствами о жизни Колтушей в военное время. Но любезный дар правнучки И. П. Павлова Марины Анатольевны Соболевской (Балмасовой) в 2012 году восполнил этот пробел. Она подарила музею 42 подлинных письма, адресованных другу семьи Павловых Валентине Николаевне Садиковой и ее дочери Наталии Владимировне. 36 писем написаны Серафимой Васильевной и 6 — Верой Ивановной Павловыми из Колтушей в период 1942–1944 гг.

В. Н. Садикова — жена Владимира Сергеевича Садикова, доктора химических наук, крупного ученого, профессора Ленинградского государственного университета и большого друга семьи Павловых. Его работы широко известны и у нас, и за рубежом. Кроме множества статей (более 140), из-под его пера вышли монографии

¹⁵ Леон Абгарович Орбели.

«Курс биологической химии», «Химия жизни», «Строение белковых веществ» и другие. С 1938 года он работал в Физиологическом институте им. И. П. Павлова. Во время блокады Ленинграда исполнял обязанности заместителя директора Института и одновременно продолжал свои научные исследования: разработал новый комплекс использования белковых дрожжей в условиях военного времени. Предложенный им способ обработки дрожжей позволял получать дрожжевую муку, жиры, дрожжевой экстракт, богатый гликогенами и витаминами группы «В», и другие продукты (Соболев 1966, 62). О результатах своих исследований ученый докладывал весной 1942 г. на научной сессии, посвященной памяти академика И. П. Павлова (Садииков 1942, 63). В 1942 году из блокадного Ленинграда Садииков вместе с женой был эвакуирован в с. Шеланга Татарской АССР, где, к сожалению, в том же году скончался от дистрофии миокарда (Папка «Великая Отечественная война», с. 34).

Серафима Васильевна Павлова близко сошлась с Валентиной Николаевной Садииковой по очень печальному поводу — у той и у другой погибли сыновья. Обе были православными верующими, а с потерей сыновей особенно часто стали ходить в церковь, читать и обсуждать Евангелие и другую православную литературу. Этим, по словам Серафимы Васильевны, они «часто утешали друг друга».

Дочь Садииковых Наталья Владимировна (в семье ее называли Натуся или Туся, так ее называет в своих письмах и С. В. Павлова) также была химиком, работала в Биогеохимической лаборатории АН СССР (БИОГЕЛ), основанной в 1928 году В. И. Вернадским для изучения элементного химического состава живого вещества и его геохимической роли. Наталья Владимировна выполняла обязанности референта Вернадского до июня 1935, когда БИОГЕЛ АН СССР был переведен в Москву. С 1935 г. она работала вместе с отцом в его лаборатории, в 1940 г. защитила кандидатскую диссертацию, затем преподавала в ЛГУ. Во время блокады она оставалась в Ленинграде, родители же провели в осажденном городе только 1941 год, а в 1942 году, как уже говорилось выше, были эвакуированы. Первое письмо написано С. В. Павловой из Колтушей еще до их отъезда из Ленинграда (рис. 8):

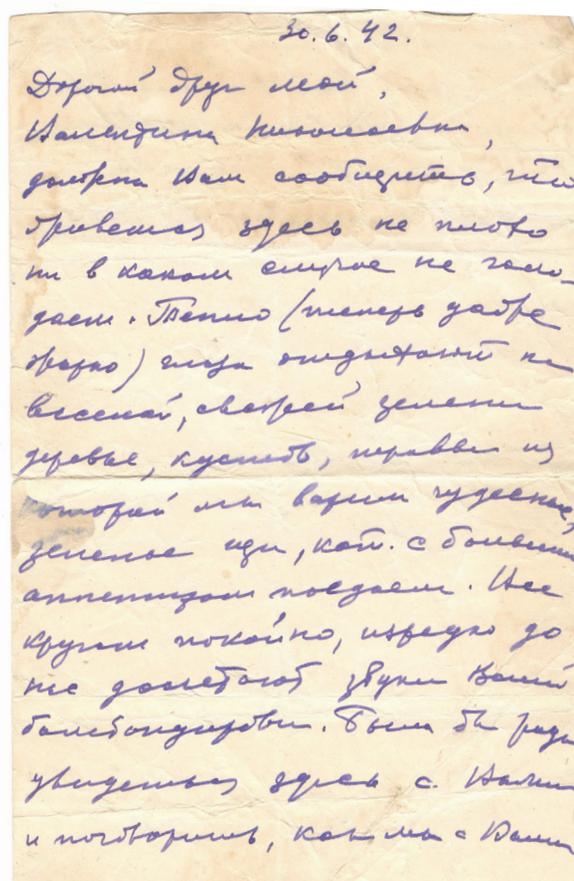

Рис. 8. Письмо С. В. Павловой к В. Н. Садииковой от 30 июня 1942 г. (фонд музея, инв. № 120/4-1)

Fig. 8. A letter from Serafima V. Pavlova to V. N. Sadikova dated 30 June 30 1942 (Museum collection, inv. no. 120/4-1)

«30.06.42. Дорогой друг мой, Валентина Николаевна, должна Вам сообщить, что живется здесь неплохо, ни в каком случае не голодаем. Тепло (теперь даже жарко), глаза отдыхают на весенней свежей зелени деревьев, кустов, травы, из которой мы варим чудесные зеленые щи, которые с большим аппетитом поедаем. Все кругом покойно, изредка до нас долетают звуки Вашей бомбардировки. Была бы рада увидиться здесь с Вами и поговорить, как давно не беседовали; думаю, что Вы здесь все хорошо бы отдохнули, что необходимо не только для Вас и Вашей нервной системы, но и для Владимира Сергеевича, и для Туся. Здесь очень теплые и сердечные люди.

Всей душой любящая Вас

С. Павлова.

Р. S. Привет всем Вашим» (Книга поступлений № 4, инв. № 120/4-1).

Второе письмо, адресованное Садиковой, Серафима Васильевна написала, уже узнав о смерти ее мужа, который скончался в эвакуации 14 августа 1942 года. Письмо написано на простой почтовой открытке, имеющей штамп «Просмотрено военной цензурой. Ленинград 57»:

«1942 г. Мой крепко любимый и дорогой друг Валентина Николаевна. Сердце мое жаждет крепче обнять Вас, прижать к себе и вместе со смирением повторять: “Бог терпел и нам терпеть велел”. Вас, как и меня, постиг неожиданный удар из ясного неба. Доставляет мне утешение, что я хорошо простилась с моим дорогим другом, полным торжествующей радостью своей законченной работой. Недаром он так спешил, не жалея своих сил, а мы еще укоряли его. Кто бы без него мог закончить этот большой труд! Верьте, родная, что всегда плачу вместе с Вами. Всей душой Ваша, верный друг, Павлова.

Лен. область. Колтуши. Биостанция. ул. Ак. Павлова. С. В. Павлова». (Книга поступлений № 4, инв. № 120/4-2).

Тогда же было написано письмо и оставшейся в Ленинграде дочери Садиковых — Наталии Владимировне:

«Ленинград, Вас. Остров, 1-я линия, д. 34, кв. 25. Наталии Владимировне Садиковой — п/о Колтуши. Лен. обл. С. В. Павлова.

31 авг. 42. Моя ненаглядная Тусенька. Всем сердцем, горячо разделяю Ваше тяжелое горе, так неожиданно обрушившееся на Вашу молодую еще не отдохнувшую голову. Первое время прямо не могла поверить такой безвременной кончине. Хорошо, что теперь при маме находится Наталия Николаевна¹⁶. Если Вам нужны деньги, то возьмите их у Дуни, я же буду в городе или на этой неделе в субботу, или в следующий понедельник. Маме Вашей сегодня уже буду писать в Казань. Сильно надеюсь на Вашу привычку всей душой отдаваться работе, как бы хотелось повидаться с Вами. Любящая Вас С. Павлова» (Книга поступлений № 4, инв. № 121/4-1).

Письмо со словами соболезнования отправила Н. В. Садиковой и Вера Павлова. Оно написано на листке с изображением солдата и лозунгом: «Да здравствует наша родная геро-

ическая Красная Армия, Военно-Морской Флот, доблестные Сталинские соколы!» (рис. 9):

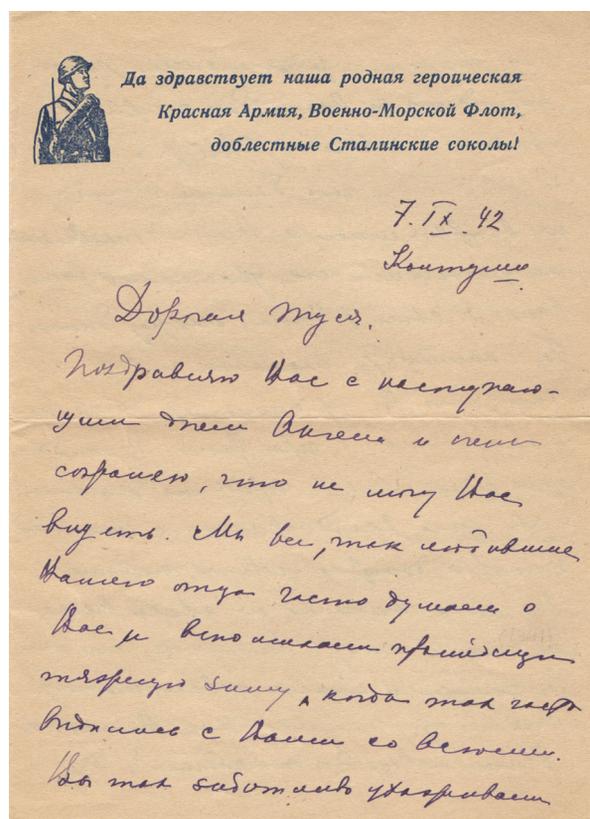

Рис. 9. Письмо В. И. Павловой к Н. В. Садиковой от 7 сентября 1942 г. (фонд музея, инв. № 122/4-2)

Fig. 9. A letter from Vera I. Pavlova to N. V. Sadikova dated 7 September 1942 (Museum collection, inv. no. 122/4-2)

«7.IX.42. Колтуши. Дорогая Туся.

Поздравляю Вас с наступающим днем Ангела и очень сожалею, что не могу Вас видеть. Мы все, так любившие Вашего отца, часто думаем о Вас и вспоминаем прошедшую тяжелую зиму, когда так часто виделись с вами со всеми. Вы так заботливо ухаживали за Вашими родителями, что наблюдать за Вами было прямо приятно. Мама, Евг. Сер.¹⁷ и я — мы в отчаянии, что больше никогда не встретимся с Влад. Сергеевичем, не услышим его увлеченных разговоров о своей работе. Может быть, Вы напишете несколько строк о том, что Вы предполагаете делать, и направите их через ФИН. Я иногда, очень редко бываю в городе по делам и при этом всегда связана с машиной, которую должна

¹⁷ В Колтушах кроме Серафимы Васильевны и Веры Ивановны Павловых находилась в блокадные дни Евгения Сергеевна, вдова младшего сына Павловых Всеволода, работавшая в институте агрономом.

ловить, потому зайти к Вам не по своей вине никак не могу. Напишите, что Вы знаете и какие известия получали от родителей. Как Валентина Николаевна, где она сейчас? Буду Вам очень благодарна за сведения. Сейчас больна плевритом наша помощница по хозяйству, и я буквально не имею свободной ни минуты. Большую часть дня провожу у плиты, но делаю большие успехи в кулинарии. Больная поправляется медленно, и из боязни возврата ей прописали большую осторожность. Ношу еду ей 2 раза в день, что тоже отнимает порядком времени. Прямо не представляю себе, что будет, когда я смогу отдохнуть. Ев. Сер. тоже носится по хозяйству в роли агронома. Не успевает есть и спать. Мама в неплохом состоянии, но тяжело переживает потерю Влад. Сер., к которому всегда питала большое дружеское расположение. Несмотря на большую занятость, наслаждаюсь каждым лучом солнца и довольна тем, что я не в городе. Пока установка такая, что мы будем зимовать здесь, что получится — сказать трудно. Пишите, как дела у Софии Гавриловны, давно ничего о ней не знаем. Уехала ли она и как ее здоровье? Как дети? Что с Марией Гавриловной? Могу себе представить, какая масса у Вас дел, но очень все же рассчитываю, что черкнете несколько строк о себе. Туся, я страшно жалею, что Вы не поехали с родителями, ведь это может быть было бы большой поддержкой для Вл. Сер. Мы все страшные эгоисты и лишиться Вашего отца сейчас для нас огромная потеря, мы так всегда наслаждались встречей с ним. Всего Вам доброго, дорогая Туся, от всех нас.

Любящая Вас В. Павлова» (Книга поступлений № 4, инв. № 122/4-2).

Следующее письмо Серафимы Васильевны к В. Н. Садиковой датировано ноябрем 1942 года:

«9.11.42. Колтуши.

Дорогая, голубушка Валентина Николаевна, если бы Вы знали, как за последние дни мне хочется быть с Вами и разделить Ваше горе и Ваши тяжелые мысли! Помните, как в свое время мы переживали потерю наших сыновей. Как часто мы останавливались на одних и тех же изречениях Евангелия. Недаром мы с Вами так сошлись душевно! Я понимаю, каково Вам жить в одной комнате — шестой (!), да еще среди совершенно чужих людей. Я твержу себе: «Бог терпел и нам терпеть велел».

У нас началась зима, морозы до 15 гр., и я не высовываю носа из своей маленькой теплой комнатки. Вера на днях пробыла три дня в го-

роде, и жизнь там показалась ей очень тяжелой, а Ваша Туся справляется там молодцом — она и находчива, и выдержана.

Поверите ли, что я часто вечером забываю то, что говорила утром. Вот Вам и моя блестящая память. Пожалуйста, напишите мне, как Вы находите здоровье моего сына, его жены и детей, ради которых я желаю сохранить и здоровье, и зрение. С кем из наших общих знакомых Вы встретились в Казани? Думаете ли проехать в «Боровое», хотя, пожалуй, для такого путешествия Вы упустили время, я же от одного вида разоренного гнезда — обливаюсь слезами.

Горячо Вас целую и обнимаю,

Ваш старый верный друг С. Павлова» (Книга поступлений № 4, инв. № 120/4-3).

Вообще эти письма 83-летней Серафимы Васильевны к В. Н. Садиковой — короткие, написанные на почтовых карточках, чаще всего не столько содержат какую-то новую важную информацию, сколько наполнены словами утешения, заботы, пожеланиями здоровья и благополучия своему другу, ее родным и знакомым. Они — тонкая ниточка душевного родства, протянутая между любящими, понимающими друг друга близкими людьми, что было так необходимо в то тяжелое время. Правда, в одном из них имеются сведения о том, что при бомбежке разрушена Колтушская церковь (рис. 10).

Рис. 10. Фотокопия картины художницы М. Л. Тиховой «Колтуши» с изображенной на ней колтушской церковью, разрушенной в годы войны (фонд музея, инв. № 77/4)

Fig. 10. A photocopy of *Koltushi*, a painting by M. L. Tikhova. The painting features the Koltushi church destroyed during the war (Museum collection, inv. no. 77/4)

Эта открытка и несколько последующих написаны другим почерком, что говорит о том, что Серафима Васильевна, у которой к тому времени совсем испортилось зрение, диктовала свои письма:

«Казань, ул. Комлева д. 9, комн. 5. В. Н. Садиковой.

21/VI 1943. Дорогая голубушка, Валентина Николаевна.

Больно, очень больно было мне перенести лишение церковной службы в торжественные дни; и трудно глядеть на развалины нашей милой старой церкви, которая теперь смотрит, по словам моей няни, ни Богу свечкой, ни черту кочергой. Как-то вы чувствуете себя в новых условиях? Посещаете ли церковь? Имеете ли знакомых? Можете ли пользоваться библиотекой? Всегда, всегда о Вас помню, и чувствую Вашу неожиданную потерю. Любящая Вас С. Павлова». На письме стоит печать «Просмотрено военной цензурой. Ленинград 55» (Книга поступлений № 4, инв. № 120/4-8).

В других посланиях С. В. Павловой можно по крупицам собирать какие-то сведения об общих знакомых, друзьях семьи Павловых, каких-то бытовых мелочах военного времени.

В письме от 7 апреля 1943 года, адресованном Н. В. Садиковой, Серафима Васильевна интересуется судьбой семьи большого друга И. П. Павлова — художника Н. Н. Дубовского. Письмо написано на почтовой карточке, на которой стоит печать «Просмотрено военной цензурой. Ленинград 118»:

«Ленинград, Васильевский остров, 1-я линия, д. 34, кв. 25. Наталии Владимировне Садиковой. — п/о Колтуши Лен. обл. Всеволожского р-на Институт им. ак. Павлова. С. В. Павлова.

7/IV- 43. Милая и дорогая Наташенька!

Очень и очень прошу Вас ответить на следующие интересные для меня вопросы: знаете ли Вы, а если не знаете, то постарайтесь узнать для меня. Кто остался в квартире Дубовских — В. О. 5-я линия д. 20 кв. 8. Как то Вы самиживаете? Часто ли пишет Вам Ваша мама, как на Вас действуют весенние дни, полные тумана, сырости и грязи? Чем вполне наслаждаемся мы. Как здоровье Софьи Гавриловны и Бобика? Пожелав Вам здоровья и благополучия, любящая Вас С. Павлова» (Книга поступлений № 4, инв. № 121/4-5).

«4/VII 43 Колтуши.

Моя милая и дорогая Наташенька. Как-то Вы переносите свое одиночество? Но при Вашей хозяйственности Вам, наверное, не хватает даже времени, я не говорю уже о службе, на все Ваши домашние работы. Вот завтра мне обещали до-

ставить книгу соч. Маршака. Его книги по печати доступны моим глазам. Если я не пришлю Вам скоро денег, то выдайте, пожалуйста, из своих 100 руб. Фаминциной. С. Павлова». На письме стоит печать «Просмотрено военной цензурой Ленинград 126» (Книга поступлений № 4, инв. № 121/4-6).

«24/VII 43. Колтуши.

Большое, большое спасибо, дорогая Наташенька, за исполнение моей просьбы! Если мой знакомый передаст ей такую же сумму, как и Вы, то сообщите мне об этом, пожалуйста. Почему-то она стесняется мне писать, а я знаю, как тяжело ей жить с больной ногой и непослушным сыном. Целую Вас. С. Павлова». На письме — печать «Просмотрено военной цензурой Ленинград 126» (Книга поступлений № 4, инв. № 121/4-7).

Короткие открытые письма отправлялись Серафимой Васильевной Садиковым регулярно, примерно раз в две недели. Форма открытого письма, видимо, способствовала более быстрому их прохождению до адресата, т. к. цензорам не нужно было возиться с конвертом, чтобы их прочитать.

Перед новым 1944 годом отправила письмо Н. В. Садиковой и Вера Павлова. Оно написано на специальном бланке, на лицевой стороне которого надпись: «Все силы на разгром врага», и, как всегда, на письме стоит печать «Просмотрено военной цензурой 10883»:

«28.XII. 43. Колтуши

Дорогая Наталия Владимировна, поздравляю Вас с Новым годом и желаю сохранить свою теперешнюю энергию и бодрость. Очень радуемся, что Вы увлекаетесь своей работой. Благодарю Вас, что Вы не забываете Сер. Вас., которая всегда с интересом следит за Вашими успехами. Она все ждет, когда встретится опять с В. Н. и наговорится досыта. Очень хотелось бы с Вами побеседовать, но в городе теперь не бываю.

Всего лучшего от Ев. Сер. и меня» (Книга поступлений № 4, инв. № 122/4-4).

Наконец, в письмах, датированных 1944 годом, начинают проскальзывать оптимистические ноты:

«16/II-44. Дорогая Наташенька. Делишки мои понемногу поправляются, и я собралась, наконец, с силами поговорить с Вами и с Вашей ненаглядной матушкой. Как-то Вы себя чувствуете, не болели ли за это время? У нас было очень много больных. Не удивительно, ведь все работали через меру. Как здоровье Софьи Гавриловны и моего крестника? Будьте все здоровы и благополучны. Любящая С. Павлова» (Книга поступлений № 4, инв. № 121/4-14).

«20/III-44. Дорогая Наташенька!

Благодарю Вас за память и постоянное внимание ко мне. В моих обстоятельствах мне очень дорого, и я ценю каждое воспоминание о давно уплывших годах, когда наши покойники дружно пожимали руки и сообщали друг другу о своих успехах в науке. И каждый радовался успеху другого. От всей души желаю я Вам успеха во всех Ваших занятиях. Ваша любящая Вас С. Павлова» (Книга поступлений № 4, инв. № 121/4-15).

«24/IV-44 г. Дорогая Наташенька!

Давно не получала от Вас известий. Какживаете, как себя чувствуете? Мы все трое чувствуем исправно и стараемся протянуть время до возвращения в город Владимира Ивановича. Из окон у нас снега уже не видно. Будьте здоровы и благополучны. Любящая Вас С. Павлова». На письме — печать «Просмотрено военной цензурой 10859» (Книга поступлений № 4, инв. № 121/4-16).

Память о войне

Переписка Веры Ивановны Павловой с Наталией Владимировной Садиковой продолжалась и в послевоенные годы. Из этих писем в фондах музея сохранилось два, но содержание их, на наш взгляд, очень интересно и много говорит о том, как важна была память о тех тяжелых годах для В. И. Павловой:

«11. II. 61. Дорогая Наташа, посылаю листки, о которых говорила с Вами. Буду очень признательна за их заполнение. Когда это сделаете, то верните тем же путем, как я посылаю эти.

У меня понемногу собралась целая коллекция высказываний, которые представляют интереснейший материал, дающий вполне очерченный тип нашего поколения.

Надеюсь, что здоровье Валентины Николаевны врач нашел удовлетворительным. Рассчитываю повидаться с Вами через короткое время.

Всего доброго. Привет В. Н. Ваша В. Павлова.

Р. S. Писать на листках можно с обеих сторон, поставьте подпись и дату» (Книга поступлений № 4, инв. № 122/4-5).

«Ленинград. Ул. Халтурина д. 27 кв. 52. Наталии Владимировне Садиковой. Павлова В. И. В. О. 7 лин. д. 2

19.IV/62. Ленинград. Дорогая Наташа, с удовольствием принимаю Ваше предложение относительно имеющихся у Вас писем и благодарю Вас за это.

В эту зиму чувствовала себя плохо, а сейчас как-то совсем ослабела. Завтра на месяц еду в Крым. В середине мая, когда вернусь, созвонюсь с Вами, если Вы будете в городе.

Желаю бодрости и удовлетворения в работе.

Любящая Вас В. Павлова (Книга поступлений № 4, инв. № 122/4-6) (рис. 11).

19. IV. 62
Ленинград.

Дорогая Наташа,

С удовольствием принимаю Ваше предложение относительно имеющихся у Вас писем и благодарю Вас за это.

В эту зиму чувствовала себя плохо, а сейчас как-то совсем ослабела. Завтра на месяц еду в Крым. В середине мая, когда вернусь, созвонюсь с Вами, если Вы будете в городе.

Желаю бодрости и удовлетворения в работе.

Любящая Вас
В. Павлова.

Рис. 11. Письмо В. И. Павловой к Н. В. Садиковой от 19 апреля 1962 г. (фонд музея, инв. № 122/4-6)

Fig. 11. A letter from Vera I. Pavlova to N. V. Sadikova dated 19 April 1962

(Museum collection, inv. no. 122/4-6)

Таким образом, благодаря стараниям Веры Ивановны Павловой, переписка с Садиковыми оказалась в семье Павловых, а затем М. А. Соболевская передала ее в музей. Теперь с этими письмами, хранящими живые свидетельства о тяжелейшем для нашей страны времени, смогли познакомиться и наши читатели.

Литература

Книга поступлений № 3. (1981) Фонд Мемориального музея-квартиры академика И. П. Павлова. 68 с.

Книга поступлений № 4. (1983–2015) Фонд Мемориального музея-квартиры академика И. П. Павлова. 200 с.

- Папка «Великая Отечественная война». Научно-вспомогательный фонд Мемориального музея-квартиры академика И. П. Павлова. 96 с.
- Садиков, В. С. (1942) Новый метод комплексного использования дрожжей в условиях военного времени. В кн.: *Труды научной сессии, посвященной памяти академика И. П. Павлова: В связи с 93-летием со дня его рождения 27–28 сент. 1942 г.* Л.: Ленинградское газетно-журнальное и книжное издательство, с. 62–63.
- Соболев, Г. Л. (1966) *Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.* Л.: Наука, 171 с.

References

- Kniga postupleniy № 3 [Arrivals book No. 3]. (1981) *Fond Memorial'nogo muzeya-kvartiry akademika I. P. Pavlova [Fund of Academician Ivan P. Pavlov's Museum-apartment]*. 68 p. (In Russian)
- Kniga postupleniy № 4 [Arrivals book No. 4]. (1983–2015) *Fond Memorial'nogo muzeya-kvartiry akademika I. P. Pavlova [Fund of Academician Ivan P. Pavlov's Museum-apartment]*. 200 p. (In Russian)
- Папка “Velikaya Otechestvennaya voyna” [Folder “Great Patriotic War”]. *Nauchno-vspomogatel'nyj fond Memorial'nogo muzeya-kvartiry akademika I. P. Pavlova [Scientific support fund of Academician Ivan P. Pavlov's Museum-apartment]*. 96 p. (In Russian)
- Sadikov, V. S. (1942) Novyj metod kompleksnogo ispol'zovaniya drozhzhej v usloviyakh voennogo vremeni [A new method for the integrated use of yeast in wartime conditions]. In: *Trudy nauchnoj sessii, posvyashchennoj pamyati akademika I. P. Pavlova: V svyazi s 93-letiem so dnya ego rozhdeniya 27–28 sent. 1942 g. [Proceedings of the Scientific session dedicated to the memory of academician I. P. Pavlov: In connection with the 93rd anniversary of his birth, 27–28 September 1942]*. Leningrad: Leningradskoe gazetno-zhurnal'noe i knizhnoe izdatel'stvo Publ., pp. 62–63. (In Russian)
- Sobolev, G. L. (1966) *Uchenye Leningrada v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. 1941–1945 gg. [Scientists of Leningrad during the Great Patriotic War. 1941–1945]*. Leningrad: Nauka Publ., 171 p. (In Russian)